

ком пространстве Российской империи, включавшем Западный край и Великороссию. Первым тревожным сигналом стал запрет Сената белорусским купцам-евреям с семьями записываться в оклад смоленского купечества в декабре 1789 г.; инициаторами его стали местные русские торговцы. А уже в январе—феврале 1790 г., воспользовавшись юридическим прецедентом, группа московских купцов из более 200 чел. обратилась к городским властям с подобной же просьбой: исключить из оклада местного купечества трех евреев и вообще запретить им даже временное пребывание здесь для торговли. Просители сообщали, что евреи записались московскими купцами незаконно, ведут коммерческие операции с нарушением правил, обрезают золотую и серебряную монету и вывозят ее в Польшу и Пруссию; наконец, москвичи обратили внимание на то, что дешевизна импортных мануфактурных товаров евреев подрывает их торговлю. Кроме того, довольно явственно прозвучала мысль о «вреде» всех иудеев для государства. По сути же жалоба христианских торговцев была направлена не только против евреев, но и против интересов русского потребителя, которого эксплуатировали коренные монополисты торговли и который лишался дешевых товаров, привозимых евреями из-за рубежа. Соображения конкуренции в данном случае оказались решающими.

Результаты рассмотрения этого дела были подведены в октябре 1790 г. на Совете при высочайшем дворе, куда представил свое «мнение» главный эксперт в данном вопросе, руководитель коммерческого ведомства А. Р. Воронцов. Итоговая резолюция содержала тезисы о том, что евреи по манифесту Екатерины II 1762 г. не имеют права записываться в купечество во внутренних российских городах и портах и что в допуске их к этому не усматривается никакой пользы. В то же время предлагалось предоставить евреям право «гражданства и мещанства», которое они имели в Белоруссии, еще и в Новороссийском крае. Данное положение юридически закрепляется именным указом Екатерины II Сенату от 23 декабря 1791 г.; тем самым было положено начало фактическому складыванию черты еврейской оседлости, ставшей основой всего русского законодательства о евреях до начала XX в.

С этого времени деятельность еврейского купечества, в т. ч. иностранного, разворачивается лишь в западной и юго-западной частях Российской империи. В правление Николая I евреям-купцам 1-й и 2-й гильдий разрешили приезжать на ограниченный срок в Москву и Ригу для закупки товаров. Только в 1859 г., при Александре II, выходит закон о предоставлении евреям-купцам 1-й гильдии (состоявшим в ней пять лет) права проживания и торговли во всех губерниях России. Но

их количество было ничтожно по сравнению с основной массой еврейского населения, зажатого в тисках черты оседлости.

С. К. Лебедев

КУПЦЫ-БАНКИРЫ В РОССИИ XVIII в.

Феномен купца-банкира (известного в литературе как *merchant-banker*) принадлежит периоду нерасчлененности торговой и кредитной функций приблизительно до XIX в. Торговля товарами и торговля деньгами связаны изначально и более органично, в отличие от банкового и промышленного предпринимательства.

Итак, взглянем на период торгового преобладания в банковском деле¹. Правильно организованное банковское дело появилось в России довольно поздно, в XVIII в., и, как и во многих других странах, у его истоков стояли иностранцы. Иностранные купцы в России сохраняли непосредственные связи с европейским кредитом. По наблюдениям В. Н. Захарова, в начале XVIII в. денежный кредит у иностранцев значительно превышал товарный, что объяснялось преобладанием вывоза иностранными купцами русских товаров над ввозом европейских и использованием ими своих капиталов в чисто ростовщических операциях. Больше половины иностранного денежного кредита в тот период получала русская провинция областей, производивших экспортные товары. Кредит выдавался до 1 года из 10—12% годовых. В Петербурге крупные русские купцы составляли около 30% клиентов иностранцев по денежному кредиту (в Москве — 18%). В сделках между собой и со своими европейскими партнерами иностранцы использовали вексель — более совершенное орудие кредита, чем заемная кабала. Русские купцы также иногда обменивались векселями с иностранцами через европейские банки, участвуя таким образом в системе европейского коммерческого кредита².

Слабое развитие кредитных учреждений и частных банкиров как следствие общей проблемы в России (нехватки свободных капиталов) было особенно ощутимо в XVIII в. в Петербурге — городе с высокой активностью торгово-промышленной деятельности населения. Купцы покрывали недостаток оборотного капитала кредитом у иностранных торговых домов³. К 1790-м гг. петербургская торговля составляла в своей массе более 2/3 «всего торгового оборота в государстве»⁴ и потому характер-

ные для нее кредитные отношения были в значительной мере типичны и для всей страны (хотя к началу XIX в. доля Петербурга во внешней торговле снизилась из-за конкуренции черноморских портов и составляла около 1/2 объема по всей стране, а затем постепенно уменьшалась)⁵.

Традиционно значительные позиции на русском рынке имели азиатские купцы. В первые годы XIX в. оборот торговли азиатов в России через своих соотечественников в Москве составлял «многие миллионы», в том числе «в лавках и вразнос по домам»⁶. С первой половины 1770-х гг. неизменными участниками многоконфессиональной и мультиэтничной деловой жизни Российской империи стали еврейские купцы-банкиры (наряду с английскими, голландскими и немецкими). Евреи в польских городах ко времени разделов разносили большей частью товары по домам крестьян в обмен на сельскохозяйственные продукты либо в кредит под урожай, причем крестьянин и в этом случае платил натурой. Таким же образом осуществлялись расчеты и на ярмарках, регулировавших и в XIX в. товарный обмен в России и Польше. Тысячами евреи приезжали на крупные ярмарки в 90-е гг. XVIII в.⁷ Еврейские купцы, дисконтеры и другие кредитные посредники переносили свои связи и деловые структуры с запада и юго-запада империи в ее внутренние торговые центры. В самой Польше капитал, накопленный в торговле и банкирском промысле, стал перетекать в промышленность⁸.

Несмотря на рост Петербурга и вообще балтийской внешней торговли, торговая роль Москвы оставалась значительной на внутреннем рынке⁹. Московские купцы во второй половине XVIII в. в большом объеме учитывали векселя иногородних купцов. В Москве купцы также инвестировали в мануфактурную промышленность (Евреиновы, Турчаниновы, Старцевы, Докучаевы, Журавлевы, Бабкины, Ситниковы, Земские, Тамесы). Однако удача сопутствовала по большей части первому поколению и реже второму. В Москву стремилось провинциальное купечество, а также предприимчивые крестьяне и разночинцы. Большой приток их пришелся на последние 15 лет XVIII века, после введения «Жалованной грамоты городам». Примечательно, что деловые люди в Москве уже не связывали успех с государственной поддержкой¹⁰.

В Петербурге тип купца-банкира представлен особенно сильно придворными банкирами, первым из которых (с 1765 г.) был Уильям Гомм, купец английской Russia Company¹¹. Как придворный банкир, а Гомм сохранял это звание до 1769 г., он вместе со своим компаньоном Кнутсеном перевел за границу для двора по векселям 936 196 руб.,

получив 0,5% комиссии от этой суммы. Кроме того, свыше 500 000 руб. было переведено им по требованию Коллегии иностранных дел. После отказа Гомму в кредите со стороны могущественной амстердамской банкирской фирмы Норе & Со в 1767 г. его кредиторы немедленно наложили арест на все его товары в Англии, Голландии и других местах и продали их на публичных аукционах¹². Гомм окончательно разорился в 1783 г.¹³

Гомм занимался оптовой торговлей медью и лесом. Кредитные операции по поручениям казны, а также от своего имени оказались для него неудачными. Онежская торговля лесом была взята под контроль, но сам Гомм, дав подписку действовать по инструкции правительства, был оставлен при деле и получил новую правительственную ссуду¹⁴. В отличие от своих преемников по придворному банкирству, Гомм не был монополистом в выписке серебра из-за границы¹⁵.

Комиссия о коммерции, расследовавшая «дело Гомма», специально отметила, что он якобы не понимал русские деловые нравы и местные условия и вместо того, чтобы лично присутствовать во всех своих предприятиях, вел дела через посредников. Действительно, тогдашний купец проводил большую часть жизни в разъездах, но купец-банкир с широкой кредитной функцией должен был вести все текущие дела из конторы, средоточия корреспонденции и бухгалтерии. Нам кажется, этот эпизод отчасти показывает изменение стиля жизни купца-банкира, что оказалось непонятным власти, оперировавшей стереотипом «чистого» купца.

В 1802 г. Франц Поппе оставил род воспоминаний о придворном банкирстве после Гомма со времен Фредерикса (Фредрикаса), с 1769 г.¹⁶ Дед и отец Ф. Поппе, переселившиеся в Россию из Гамбурга в 1713 г., «Петра Великого ссужали деньгами в бытность его императорского величества в чужих краях, также и в собственной и непосредственной сего государя торговле из Архангелогородского порта вне государства». Франц Поппе «находился одиннадцать лет у производства казенных банкирских дел при покойном банкире бароне Фредриксе». Недолгий зенит карьеры Поппе как казенного банкира наступил, очевидно, после того, как он был назначен Екатериной II в товарищи сыну барона Фредрикаса для продолжения операций «на прежнем основании». Однако после внезапной смерти Фредрикаса его сын «избрал себе другой род жизни», и «сие учреждение (придворная банкирская контора молодого Фредерикса. — С. Л.) не состоялась». Поппе приводит примеры устранения товарищей-конкурентов в среде придворных банкиров (т. е. известной концентрации): «Банкир Гомм отделил Кнутсона (Кнутсена. — С. Л.), и равным образом барон Фредрикс (преемник

Гомма. — С. Л.) поступил, когда ему предлагался был оной же Кнутсон в товарищи».

Придворным банкирам запрещалось иметь частные конторы вне казенной. Однако и Гомма, и Сутерланд, а позднее Велио и Ралль вели собственные дела. Поппе сообщал также, что «ныне Ралль имеет равномерно свою партикулярную контору, в которой более дел производится, нежели в казенной, и часто он при трассировках дает партикулярные свои векселя», что могло угрожать банкротством.

После Фридрикса центральной фигурой в финансовых связях России с Европой стал крупнейший купец английской Russia Company в Петербурге Ричард Сутерланд. Он возглавлял и был пайщиком нескольких торговых фирм в Петербурге. С ним тесно сотрудничал его брат, владелец торгового дома в Лондоне. Через Сутерланда казна вступила в регулярные связи с одним из крупнейших банкирских домов в Европе — голландской фирмой Норе & Со, а также с Baring Brothers.

После того, как дело Сутерланда прервалось в 1791 г., в отсутствие нового признанного «банкира № 1» в Петербурге произошла определенная децентрализация посредничества в области государственного кредита. Все же к 1796 г. Россия лишилась генуэзского и амстердамского рынков капиталов, попытки займа в Гамбурге также потерпели неудачу. А внутренний заем Россия так и не смогла выпустить, и в дальнейшем ее государственный кредит еще долгое время ориентировался вовне¹⁷.

Придворные банкиры, совмещая государственные функции с частным кредитным и торговым промыслом, оставались крупнейшими финансистами страны вплоть до возникновения во второй половине XIX в. акционерных банков. Они имели правильно поставленное счетоводство и корреспонденцию, квалифицированных служащих и были, несомненно, образцом для других торговых домов, что, правда, не было гарантией от неудач (кроме Гомма разорились Ричард Сутерланд в 1791 г., барон Ралль в 1817 г.¹⁸, Этьен Ливио в 1826 г.¹⁹). Балансы придворных банкиров показывают значительные суммы иностранных корреспондентов в пассиве. Обращаясь прямо на европейские денежные рынки, придворные банкиры создавали конкуренцию иностранным оптовым торговцам в России, которые также брали относительно дешевые кредиты в Европе для выдачи ссуд русским купцам.

Примечания

¹ См. подробнее: Петербург: История банков. СПб., 2001.

² Захаров В. Н. Западноевропейские купцы в России: Эпоха Петра I. М., 1996.

³ РГАДА. Ф. 19. Госархив. Д. 286. Л. 230. (Из дела от 13/24.9.1779 г. «О упадке здесь [в Петербурге. — С. Л.] денежного курса».)

⁴ Как это засвидетельствовано в декабре 1788 г. во всеподданнейшем докладе Комиссии о коммерции «О великом упадке денежного в России курса» (см.: Там же. Д. 286-4. Л. 224об.)

⁵ См. таблицы внешней торговли Петербурга в: Комиссия о северных железных и водных путях. Значение С.-Петербурга во внешней торговле России: (Ист.-стат. очерк). СПб., 1899. С. 124—127.

⁶ РГАДА. Ф. 19. Госархив. Д. 9. Доп. Л. 9.

⁷ Weinryb S. B. Neueste Wirtschaftsgeschichte der Juden in Rußland und Polen. Breslau, 1934. S. 24.

⁸ См.: Петербург: История банков.

⁹ Ср.: История Москвы с древнейших времен до наших дней: В 3 т. Т. 1: XII—XVIII вв. М., 1997. С. 326.

¹⁰ Там же. С. 337—338.

¹¹ О Гомме см.: Захаров В. Н. Предпринимательская деятельность английского купца Вилима Гома в России во второй половине XVIII в. // Торговля и предпринимательство в феодальной России: К юбилею проф. рус. истории Н. Б. Голиковой. М., 1994. С. 273—290; Петербург: История банков.

¹² РГАДА. Ф. 19. Д. 286. Л. 329—329об.

¹³ Фирсов Н. Н. Русские торгово-промышленные компании в первой половине XVIII столетия. 2-е изд. Казань, 1922. С. 163.

¹⁴ РГАДА. Ф. 19. Госархив. Д. 286-1. Л. 345—345об. — Резолюция императрицы по делу Гомма гласила: «Я <...> прочла всё Гоммово дело <...> и вижу необходимую нужду или потерять много, или помочь ему ещё; но дабы подобные приключения впредь паки к помочи сего забродливого человека не принудили нас, того ради и приставить надлежит к нему узденя, как говорят черкесы, или дядьку. И так на деньги заготовьте с князем Вяземским указ, а для надсмотрения выберите человека; но моё мнение есть, что есть ли сии деньги не будут казаться в Голландии действительно Гоммовыми, а узнают, что казна ему вновь посулила, то больше из того ему дискредита, нежели кредита причинится, и для того должно ту сумму ему секретно или нечувствительно для купцов выдать» (Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве министерства иностранных дел. СПб., 1871. Т. 2. С. 250—251).

¹⁵ «Мы повелели из медной экспедиции <...> выдать для переводу к министрам нашим, находящимся при иностранных дворах, купцам аглицкому Гому и санктпетербургским Володимирову и Савве Собакину 300 000 р. Но вы

прикажете на оную сумму выписать серебра, стараясь чрез кого для нас полезнее будет, чрез Гома, Володиминова или Собакина <...>» (Бумаги императрицы Екатерины II... СПб., 1871. Т. 1. С. 230).

¹⁶ «Примечания на нынешнее состояние казенной банкирской и комиссионерской конторы» (Архив СПбФ ИРИ РАН. Ф. 176. Оп. 1. Д. 210).

¹⁷ См. подробнее: Петербург: История банков.

¹⁸ *Ананьич Б. В.* Банкирские дома в России 1860—1914 гг.: Очерки истории частного предпринимательства. Л., 1991. С. 14.

¹⁹ В январе 1826 г. Ливио объявил себя несостоятельным (РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 18 б. Л. 103).

ТАМОЖЕННОЕ ДЕЛО В РОССИИ

XVI—XVIII вв.